

Паоло Джордано

**Человеческое
тело**

Paolo Giordano

Il corpo umano

Паоло Джордано

Человеческое тело

Роман

Перевод с итальянского

Анны Ямпольской

издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44
Д42

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Джордано, Паоло
Д42 Человеческое тело / ПАОЛО ДЖОРДАНО; пер. с итальянского А. Ямпольской. — Москва: АСТ : CORPUS, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-17-080252-4

Герои романа “Человеческое тело” известного итальянского писателя, автора мирового бестселлера “Одиночество простых чисел” Паоло Джордано полны неумной жажды жизни и готовности рисковать. Кому-то не терпится уйти из-под родительской опеки, кто-то хочет доказать миру, что он крутой парень, кто-то потихоньку строит карьерные планы, ну а кто-то просто боится признать, что его тяготит прошлое и он готов бежать от себя хоть на край света. В поисках нового опыта и воплощения мечтаний они отправляются на миротворческую базу в Афганистан. Все они знают, что это место до сих пор опасно и вряд ли их ожидают безмятежные каникулы, но никто из них даже не подозревает, через что им на самом деле придется пройти и на какие самые важные в жизни вопросы найти ответы.

УДК 821.131.1-3
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-080252-4

- © 2012 Arnoldo Mondadori Editore S.p.A., Milano
cover photo © Mirjan van der Meer
- © А. Ямпольская, перевод на русский язык, 2013
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Часть первая

В пустыне

21

Часть вторая

Долина роз

233

Часть третья

Люди

319

Этот роман — плод воображения. События и персонажи из прошлого и настоящего представлены в нем такими, какими их увидел рассказчик. Всякие прочие совпадения с реальными фактами и людьми являются чистой случайностью.

*Посвящается бурным годам,
проведенным с друзьями в нашей Кашине*

И даже если бы нам разрешили вернуться в те места, где прошла наша юность, мы, наверное, не знали бы, что нам там делать.

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК
*На Западном фронте без перемен**

* Пер. Ю. Афонькина.

После командировки каждый из ребят постарался до неузнаваемости изменить свою жизнь — до тех пор, пока воспоминания о прошлом не предстали в иллюзорном, искусственном свете и сами ребята не поверили, что все это произошло не на самом деле, а если и произошло, то не с ними.

Лейтенант Эджитто тоже изо всех сил старался забыть. Он сменил город, полк, форму бороды, полюбил новые блюда, по-новому взглянул на давние личные проблемы и научился не обращать внимания на проблемы, которые его не касаются, — прежде разницы между первыми и вторыми он не чувствовал. Являются ли происходящие с ним изменения частью единого плана или все это результат неясных процессов, он не знает, да и знать не хочет. С самого начала главным для него было выкопать траншею между прошлым и настоящим, выстроить себе убежище, проникнуть в которое не под силу даже памяти.

И все же в перечне того, от чего ему удалось избавиться, нет одной вещи, неумолимо возвращающей его к дням, проведенным в долине: командировка окончилась ровно год и месяц тому назад, а Эджитто до сих пор носит военную форму. В центре груди, на уровне сердца, красуются две вышитые звездочки. Сколько раз лейтенант мечтал затеряться среди гражданских, но форма сантиметр за сантиметром приросла к телу, пот вытравил рисунок с ткани и окрасил кожу. Эджитто твердо знает: сними он сейчас форму — вместе с ней сойдет и кожа, а он, и так неуютно чувствующий себя без одежды, окажется настолько беззащитным, что не сможет этого перенести. Да и вообще, зачем снимать форму? Солдат всегда остается солдатом. В тридцать один год лейтенант смирился с тем, что форма превратилась для него в свойство, от которого уже не избавиться, в проявление хронической болезни его судьбы — заметное взгляду, но не причиняющее боли. Главное противоречие его жизни обернулось в итоге единственным, что связывает “до” и “после”.

Начало апреля, ясное утро, круглые носки ботинок сверкают при каждом шаге идущих парадным строем военных. Эджитто еще не привык к чистому небу, сияющему над Беллуно в такие дни, — небу, которое много чего обещает. Спускающийся с Альп ветер несет с собой холод ледников, но когда ветер затихает и перестает терзать флаги, понимаешь, что погода для этого времени года необычно теплая. В казарме долго спорили, надевать шарф или нет, — в конце концов решили, что нет: по коридорам и этажам звенели голоса, разносившие указание. А вот гражданские все не поймут, что делать с куртками: то ли набросить на плечи, то ли повесить на руку.

Эджитто приподнимает шляпу и приглаживает пальцами мокрые от пота волосы. Стоящий слева от него полковник Баллезио поворачивается и говорит:

— Какая гадость, лейтенант! Отряхните китель! Опять вы усыпаны этой дрянью! — Затем, словно лейтенант не способен позаботиться о себе, сам отряхивает ему плечи. — Просто кошмар! — ворчит полковник.

Звучит команда “вольно”, и все, кому вместе с полковником и лейтенантом зарезервировано место на трибуне, усаживаются. Наконец-то Эджитто может спустить носки до лодыжек. Зуд утихает, но ненадолго.

— Знаете, что со мной приключилось? — заводит разговор Баллезио. — На днях моя младшая дочка принялась маршировать по гостиной. Говорит: пап, гляди, я тоже полковник! Даже школьный халатик и шапку натянула. И знаете, что я сделал?

— Нет, синьор.

— Я ее выдрал. Серьезно. А потом заорал, чтобы она никогда больше не смела изображать из себя военного. Все равно из-за плоскостопия в армию ее не возьмут. Бедняжка расплакалась. А я даже не сумел толком ей объяснить, из-за чего разозлился. Но я на самом деле был вне себя. Скажите мне правду, лейтенант: по-вашему, это признак нервного истощения?

Эджитто уже научился не попадаться на провокации полковника, когда тот заводит разговор по душам.

— Наверное, вы просто пытались ее защитить, — отвечает он.

Баллезио морщится, словно Эджитто сморозил глупость.

— Наверное. Ну ладно. Просто я боюсь съехать с катушек. Не знаю, понимаете вы меня или нет. — Он вытяги-

вает ноги и, не обращая ни на кого внимания, поправляет через брюки резинку трусов. — Каждый день с утра до вечера талдычат о том, что у кого-то опять поехала крыша. Может, мне сходить к неврологу? Как вы считаете, лейтенант? Снять кардиограмму или еще что-нибудь?

— Не вижу для этого оснований, синьор.

— А может, вы меня посмотрите? Ну, поглядите мне в зрачки и все такое.

— Полковник, я ортопед.

— Но чему-то вас в университете учили?

— Если хотите, могу посоветовать хорошего специалиста.

Баллезио что-то бурчит в ответ. По сторонам ото рта у него пролегли две глубокие складки, с которыми он похож на рыбу. Когда Эджитто с ним только познакомился, полковник не выглядел настолько вымотанным.

— Меня от вашей серьезности просто тошнит, я вам никогда не говорил? Серьезность и довела вас до ручки. Вы хоть иногда расслабляйтесь, научитесь принимать все как есть! Или придумайте, чем заняться в свободное время! О детях никогда не мечтали?

— Простите?

— О детях, лейтенант. О детях.

— Нет, синьор.

— Не знаю, чего вы ждете. С рождением ребенка у вас здорово прочистятся мозги. Знаете, я ведь давно за вами наблюдаю. Все сидите и занимаетесь самоедством. Смотрите, как выстроилась эта рота! Просто стадо баранов!

Эджитто прослеживает за взглядом Баллезио — на оркестр и дальше, на поле. Его внимание привлекает один из зрителей. На плечах у него сидит ребенок, а сам он замер, не шевелясь, в неестественно прямой позе военного. При встрече со знакомыми лейтенанта всегда

охватывает неясная тревога, вот и сейчас ему беспокойно. Мужчина откашливается в кулак, и Эджитто узнает сержанта Рене.

— Да ведь это... — осекается он.

— Что? Что такое? — спрашивает полковник.

— Ничего, извините.

Антонио Рене. В последний день, прощаясь в аэропорту, они сухо пожали друг другу руки, и с той поры Эджитто не вспоминал о нем — по крайней мере, лично о нем. Когда он думает о командировке, то вспоминает не отдельные лица, а всех сразу.

Парад его больше не интересует, и он решает издалека понаблюдать за сержантом. Тот не стал пробиваться в первые ряды, и, вероятно, оттуда, где он стоит, плохо видно. Ребенок сидит у Рене на плечах, держа его за волосы, как за вожжи, и показывает пальцем на солдат, на флаги, на музыкантов с инструментами. Волосы, вот в чем дело. В долине сержант брился под ноль, а сейчас они почти закрывают уши — каштановые, слегка вьющиеся. Рене — еще один персонаж из прошлого, он тоже изменил лицо, чтобы самому себя не узнавать.

Баллезио что-то бормочет о тахикардии, которой у него точно нет. Эджитто рассеянно отвечает:

— Зайдите после обеда! Выпишу вам транквилизатор.

— Транквилизатор? Вы совсем спятили? После него не стоит!

Над плацем проносятся на низкой высоте три истребителя-бомбардировщика, потом резко взмывают ввысь, оставляя в небе цветные полосы. Ложатся на спину, их траектории пересекаются. Малыш на плечах у Рене вне себя от восторга. Одновременно с его головой сотни других голов поднимаются кверху — все, кроме голов стоящих

в строю солдат, продолжающих сурово смотреть вперед на что-то, что видно лишь им одним.

После парада Эджитто сливается с толпой. Родственники военных толкуются на плацу, приходится пробираться между ними. Когда его останавливают, он отделяется рукопожатием на ходу. Краем глаза он следит за сержантом. Вдруг ему кажется, что тот собирается развернуться и уйти, но сержант никуда не уходит. Эджитто приближается и, оказавшись напротив сержанта, снимает шляпу.

— Рене! — зовет он.

— Привет, док!

Сержант опускает ребенка на землю. Подходит женщина и берет его за руку. Эджитто кивает ей в знак приветствия, но она не отвечает, только сжимает губы и отступает назад. Рене нервно роется в кармане куртки, достает пачку сигарет и закуривает. Вот что не изменилось: он по-прежнему курит тонкие белые женские сигареты.

— Как дела, сержант?

— Нормально, — поспешно отвечает Рене. Потом повторяет, но уже не так решительно: — Нормально. Стараюсь сам себе помогать.

— Это правильно. Самому себе надо помогать.

— А вы, док?

Эджитто улыбается:

— Я тоже... поменьше.

— Значит, вас не очень достают из-за этой истории. — Кажется, у него едва хватает сил договорить фразу до конца. Словно теперь ему почти нет дела до всего этого.

— Дисциплинарное взыскание. Отстранили от службы на четыре месяца, провели несколько бессмысленных за-

седаний. Они-то и были настоящим наказанием. Ну, вы сами все понимаете.

— Тем лучше для вас.

— Да уж, тем лучше для меня. А вы решили все бросить?

Он мог выразиться иначе, использовать другое слово вместо “бросить”: “изменить”, “уйти в отставку”. Бросить — значит, сдать. Но Рене пропускает это мимо ушей.

— Я работаю в ресторане. В Одерцо. Метрдротелем.

— Значит, по-прежнему на командном посту.

Рене вздыхает:

— На командном посту. Это точно.

— А остальные?

Рене поглаживает ногой пучок травы, пробившейся между брусчаткой.

— Сто лет никого не видел.

Женщина виснет у него на руке, словно желая его увести, спасти от военной формы Эджитто и от их общих воспоминаний. Она бросает на лейтенанта быстрые, полные упрека взгляды. Рене избегает смотреть Эджитто в лицо, но все же задерживает взгляд на трепещущем на ветру черном перышке — Эджитто замечает в его глазах нечто, похожее на ностальгию.

На солнце наплывает облако, и внезапно все вокруг тускнеет. Лейтенант и бывший сержант молчат. Они вместе прожили самую главную минуту в жизни — вдвоем, стоя друг перед другом, как сейчас, но только посреди пустыни, в окружении бронетехники. Неужели им нечего друг другу сказать?

— Пошли домой! — шепчет женщина на ухо Рене.

— Извините! Не хочу вас задерживать. Удачи, сержант!

Ребенок тянет ручки к Рене, чтобы тот снова посадил его на плечи, хнычет, но Рене его словно не замечает.

— Приходите ко мне в ресторан! — говорит он. — Там хорошо. Даже очень.

— Ну, если обещаете обслужить по высшему разряду...

— Хорошее место, — с отсутствующим видом повторяет Рене.

— Обязательно приду! — обещает Эджитто. Но они оба знают, что это одно из бесчисленных обещаний, которые никогда не сдерживают.

Часть первая

В пустыне

Три обещания

В начале было много болтовни. Цикл вводных лекций капитана Мазbero — тридцать шесть часов аудиторных занятий, в ходе которых солдатам рассказали все самое важное про средневековую историю, сообщили подробности стратегических последствий конфликта, описали (разумеется, со всеми полагающимися заезженными остротами) бескрайние плантации марихуаны в Западном Афганистане, но главное — они слушали рассказы товарищей, тех, кому уже довелось там служить и кто теперь со снисходительным видом раздавал советы отбывающим.

Лежа вниз головой на наклонной скамье, только что закончив четвертую серию упражнений на пресс, старший капрал Йетри с растущим интересом слушает беседу двух ветеранов. Речь идет о некоей Марике, которая служит на базе в Герате. В конце концов любопытство берет верх, и Йетри встречается в разговор:

— А что, там и правда служат все эти девчонки?

Ребята заговорщицки переглядываются — они ждали, что он не вытерпит и откроет рот.

— Девчонок там завались, — говорит один, — и они совсем не похожи на здешних.

— О да, им там вообще на все плевать.

— Там они далеко от дома и до того изнывают от скуки, что готовы на все.

— На все, я не шучу.

— Столько, сколько там, не трахаются ни в одном долбаном летнем лагере.

— А еще там американочки.

— Ууу, американочки!

И они рассказывают о секретарше одного полковника, которая привела к себе в палатку трех младших офицеров, а выставила их на рассвете, еле живых от усталости, — да нет, не нас, парней из другой роты, но на базе все об этом знали. Йетри глядит то на одного, то на другого, кровь, опьяняя, приливает к голове. Когда он выходит из спортзала в бархатный летний вечер, его голова захвачена самыми смелыми фантазиями.

Наверное, это сам Йетри и распускает слухи среди ребят третьего взвода, а слухи, пройдя по широкому кругу, возвращаются обратно, и он начинает верить в них больше других. К страху смерти и скептическому к ней отношению примешивается жажда приключений, она-то и одерживает верх. Йетри воображает себе женщин, с которыми он встретится в Афганистане, лукавые улыбки во время утреннего построения, голос с иностранным акцентом, зовущий его по имени.

Во время лекций капитана Мазьеро он только и занимается тем, что непрерывно их раздевает и одевает.

— Старший капрал Йетри!

Про себя он называет всех их “Дженнифер”, хотя и не знает, откуда ему в голову пришло это имя. Дженнифер, о, Дженнифер...

— Старший капрал Йетри!

— Есть!

— Вы не могли бы повторить то, что я сейчас сказал?

— Конечно, капитан! Вы говорили... о племенах... если я не ошибаюсь.

— Вы имеете в виду народности?

— Да, синьор!

— И о каких именно народностях шла речь?

— По-моему, о... не знаю, синьор!

— Старший капрал, немедленно покиньте аудиторию!

Постыдная правда заключается в том, что Йетри еще ни разу не был с женщиной — по крайней мере, не был, как он сам говорит, “до конца”. Никто из взвода об этом не знает, а если узнает, Йетри пропал. В курсе только Чедерна: однажды вечером, сидя в пабе, Йетри сам ему признался, когда они выпили и разоткровенничались.

— До конца? То есть ты никогда не трахался?

— Да не ори ты!

— Плохо твое дело, старик! Совсем плохо, блин!

— Знаю.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Твою мать! Лучшие годы прошли. Послушай-ка меня, я скажу тебе кое-что важное! Эта штука у тебя в штанах — как винтовка. Калибр пять пятьдесят шесть, с металлическим прикладом и лазерным прицелом. — Чедерна берет в руки невидимое оружие и целится в друга. — Если периодически не смазывать ствол, винтовка начнет давать осечку.

Йетри опускает глаза на бокал с пивом. Делает чересчур большой глоток, закашливается. Осечка. Он — парень, дающий осечку.

— Даже Митрано иногда удается кого-нибудь трахнуть, — говорит Чедерна.

— За деньги.

— Так и ты заплати!

Йетри качает головой. Ему не хочется платить женщинам.

— Итак, закрепим пройденное! — Чедерна подражает интонации капитана Мазьеро. — Это вовсе не трудно, старший капрал. Слушайте меня внимательно! Вы встречаете женскую особь, которая вам нравится, оцениваете величину сисек и задницы — например, нижеподписавшемуся нравятся большие, однако отдельные извращенцы предпочитают баб тощих, как спичка, — после чего вы к ней приближаетесь, начинаете нести чепуху, а в конце вежливо спрашиваете, не желает ли она с вами уединиться.

— Не желает ли уединиться?

— Ну, можно выразиться иначе. Смотря по обстоятельствам.

— Понимаешь, я знаю, что надо делать. Только я еще не встретил ту самую.

Чедерна бьет кулаком по столу. На пустых тарелках, где лежала жареная картошка, подскакивают ножи и вилки, посетители за соседними столиками оглядываются.

— В этом-то все и дело! Не бывает ее, той самой! Все они — те самые. Потому что у всех есть... — Он рисует в воздухе ромб. — И вообще, когда ты попробуешь, поймешь, насколько все просто.

Тон Чедерны его коробит. Йетри не хочется, чтобы его жалели, но в то же время слова друга его успокаивают. Йетри испытывает смесь раздражения и признательности. Так и подмывает спросить, когда у Чедерны это было в первый раз, но Йетри боится услышать ответ: Чедерна

такой шустрый, а еще такой красавчик — широкий лоб, белозубая, лихая улыбка.

— Ты же здоровый, как динозавр, а телок боишься. С ума сойти!

— Не ори!

— Наверняка во всем виновата твоя мамаша.

— При чем тут мама? — Йетри сжимает салфетку в кулаке. Незамеченный под салфеткой пакетик майонеза лопается у него в руке.

Чедерна щебечет фальцетом:

— Мамочка, мамочка, что нужно от меня этим тетенькам?

— Прекрати, тебя все слышат! — Попросить у друга салфетку он не решается. Вытирает руку о край стула. Пальцем нащупывает что-то прилипшее снизу к сиденью.

Чедерна с довольным видом скрещивает руки на груди, а Йетри еще больше мрачнеет. Мокрым доньшком стакана он рисует на скатерти круги.

— Не надо сидеть с такой физиономией!

— С какой физиономией?

— Вот увидишь, ты еще встретишь дурочку, которая раздвинет перед тобой коленки. Рано или поздно.

— Ладно, проехали!

— Скоро нам в командировку. Говорят, там с этим здорово. Американки просто оторвы...

Перед отъездом ребят отпускают в увольнительную на выходные, почти все проводят их со своими девушками, которым приходят в голову самые дикие идеи: устроить пикник на берегу озера или круглые сутки смотреть кино про любовь, хотя солдатам важно одно — натрахаться так, чтобы хватило на долгие месяцы воздержания.

Мама Йетри приезжает в Беллуно из Торремаджоре ночным поездом. Сделав вместе кое-какие дела в центре, они отправляются в казарму — Йетри ночует в спальне на восьмерых, где царят жара и беспорядок. Маме непременно нужно заметить:

— Все из-за твоей профессии. А ведь с твоей головой можно было выбрать столько других занятий!

Старший капрал так нервничает, что приходится срочно выйти на воздух: найдя отговорку, он направляется в угол плаца покурить. Вернувшись в казарму, Йетри видит, что мама сидит, прижав к сердцу фотографию, сделанную в день присяги.

— Слушай, я еще не умер! — говорит он.

Она глядит на него, выпучив глаза. Потом отвечает звонкую оплеуху.

— Не смей так говорить! Мерзавец!

Мама намерена во что бы то ни стало сама сложить ему вещи (“Мама знает, что ты все забудешь!”). В полудреме Йетри наблюдает за тем, как она с религиозным поклоном раскладывает на постели его одежду. Он то и дело отвлекается и начинает мечтать об американках. Возбуждающие грезы настолько захватывают, что на подушку начинает капать слюна.

— В боковом кармане увлажняющий крем и два кусочка мыла: одно — лавандовое, другое — нейтральное. Лицо мой нейтральным — у тебя чувствительная кожа. Еще я положила жвачку — вдруг не получится почистить зубы.

Ночью они спят вместе на двуспальной кровати в безлюдном пансионе, и Йетри с удивлением замечает, что не испытывает неловкости, деля постель с мамой, хотя он уже взрослый мужчина и давно покинул родительский дом. Его не удивляет и то, что мама прижимает его голову

к своей обмякшей груди, спрятанной под ночной рубашкой, и долго, пока не заснет, не отпускает, чтобы он слышал, как громко стучит ее сердце.

Комната то и дело освещается вспышками света — после ужина началась гроза, от удара грома мамино тело вздрагивает, словно она пугается во сне. Когда Йетри выскальзывает из-под одеяла, уже идет двенадцатый час. В темноте он опустошает карман рюкзака и выбрасывает все в мусорную корзину — на самое дно, чтобы никто ничего не заметил. Набивает карман презервативами, которые были спрятаны у него в куртке и в запасных ботинках, — презервативов столько, что всему взводу хватит на месяц оргий.

Йетри ложится обратно в постель, но сразу же передумывает. Снова встает, засовывает руки в мусорное ведро и пытается нащупать жвачку: может, жвачка и пригодится, когда он окажется рядом с жадным ртом американки, а зубы почистить будет некогда.

Дженнифер, о, Дженнифер!

В это самое время Чедерна и его девушка входят в квартиру, которую вместе снимают уже почти год. Гроза застигла их на улице, но им было так весело, что они даже не пытались укрыться. Так и шли под дождем — пошатываясь, то и дело останавливаясь и целуясь врасос.

Вечер закончился хорошо, хотя начался не очень. Анъезе недавно увлеклась экзотической кухней, и как раз сегодня, когда Чедерне хотелось развлечься и отметить отъезд, вкусно поев, она решила отправиться в японский ресторан, куда уже ходили ее однокурсницы.

— Это будет особенный вечер, — сказала она.

Но Чедерне не хотелось ничего особенного.

— Не люблю я эту восточную жратву.

— Ты же ее никогда не пробовал!

— Пробовал. Один раз.

— Неправда! Что ты капризничаешь, как ребенок!

— Эй, последи-ка за словами!

Поняв, что сейчас они и правда поссорятся, Чедерна решил сдаться: ладно, пошли в этот проклятый суши-бар, все равно вечер наполовину испорчен.

В ресторане он ничего не ел и все время подкалывал официантку, которая непрерывно кланялась и вообще расхаживала в махровых носках и шлепанцах. Аньезе пыталась объяснить ему, как держать палочки, — было заметно, что ей нравится строить из себя училку. Он попробовал есть палочками, но скоро засунул их себе в ноздри и принялся изображать шизика.

— Может, ты хоть попытаешься? — не выдержала Аньезе.

— Попытаюсь что?

— Вести себя как воспитанный человек.

Чедерна нагнулся к ней.

— Я очень воспитанный человек. А вот они ошиблись местом. Ну-ка погляди в окно! Мы разве в Японии?

Они не проронили ни слова до конца ужина — ужина, во время которого он упорно отказывался что-нибудь попробовать, даже овощные пельмени, хотя на вид они были вполне ничего, а Аньезе мучилась, стараясь все съесть — показать ему, какая она смелая и продвинутая. Но худшее случилось потом, когда принесли счет.

— Сейчас я им устрою, — сказал Чедерна, выпучив глаза.

— Я сама заплачу. А ты прекрати кривляться!

Чедерна отрезал:

— Моя женщина за меня платить не будет! — И швырнул кредиткой в официантку, которая в очередной раз покло-

нилась, чтобы ее подобрать. — Ну и заведение! — заявил он, когда они вышли на улицу. — Испоганила мне последний свободный вечер, спасибо тебе большое!

И тут Аньезе, закрыв руками глаза, тихо заплакала. Увидев это, Чедерна чуть не умер. Попытался ее обнять, но она его оттолкнула.

— Ты просто животное!

— Тихо, малыш! Не надо!

— Не трогай меня! — истерично завопила Аньезе.

Но долго она не продержалась. Вскоре Чедерна уже покусывал ей ухо, шепча:

— Что за дрянь нам принесли? Ядори? Юдори?

Наконец она рассмеялась, а потом призналась:

— Еда и правда была так себе. Прости меня, милый! Прости, пожалуйста!

— Юююююдори! Юююююююююдори!

Они принялись хохотать и не могли остановиться, даже когда полил дождь.

Сейчас оба, до нитки промокшие, сидят на полу в тесной прихожей и продолжают смеяться, хотя уже не так заразительно. Чедерна чувствует, как подступают душе-раздирающая пустота и тоска, накатывающие после долгого смеха. В горле встает ком — теперь он увидит Аньезе только через много недель.

Аньезе прижимается и кладет ему голову на колени.

— Ты уж там постарайся не умереть, о'кей?

— Постараюсь.

— И давай без ранений. По крайней мере, тяжелых. Никаких ампутированных конечностей или заметных шрамов.

— Только царапины — обещаю!

— И не наставляй мне рога!

- Не буду.
- Если ты меня предашь, я отомщу.
- Уууу!
- Никаких уууу! Я серьезно.
- Уу-ууу!
- Ты вернешься к моей защите?
- Вернусь, я же говорил. Рене обещал увольнительную. Это значит, что потом мы с тобой долго не увидимся.
- Стану молодой выпускницей университета, ожидающей мужа с фронта.
- Я тебе не муж.
- Это я так.
- Решила сделать мне предложение?
- Типа того.
- Главное, чтобы тем временем молодая безработная не нашла утешения в объятиях другого.
- Я останусь безутешной.
- Ну тогда ладно.
- Да-да, безутешной. Клянусь!

В квартире попросторнее, с выходящей на парковку раздвижной дверью, сержант Рене не спит и смотрит на улицу, в ночь. После грозы от асфальта поднимается горячий воздух, в городе пахнет тухлыми яйцами.

Сержанту нетрудно найти женщину, с которой он проведет последнюю ночь на дружеской территории, но вообще-то женщина ему особо и не нужна. В конце концов, для него они просто клиентки. Он уверен, что они не станут выслушивать рассказы о том, что тревожит его за полсуток до вылета. Когда он слишком много болтает, женщинам хочется повернуться к нему спиной и сделать что-нибудь —

закурить, одеться, пойти в душ. Они не виноваты. Ни одна из них не знает, каково быть командиром, ни одна не знает, каково это — распоряжаться судьбой двадцати семи человек. Ни одна не влюблена в него.

Он снимает футболку и задумчиво проводит пальцами по коже: срединная линия грудной клетки, брелок с датой рождения и группой крови (А+), три ряда накачанных мышц пресса. Наверное, по возвращении из Афганистана он перестанет встречаться с этими женщинами. Не то чтобы это занятие не доставляло ему удовольствия или не на что было потратить деньги (в прошлом месяце он купил боковые кофры для “Хонды” — вон она стоит в чехле, Рене с гордостью смотрит на нее в стеклянную дверь), — это вопрос нравственности. Когда он только перевелся в Беллуно, без стриптиза было не обойтись, но теперь, когда он стал кадровым военным, он прекрасно может от него отказаться и заняться чем-нибудь посерьезнее. Чем именно, он пока не знает. Трудно придумать для себя новую жизнь.

К полуночи, так и не решив, как убить время, Рене окончательно расстается с надеждой нормально поужинать: он сгрыз две пачки крекеров и есть больше не хочется. Скромновато для торжественного ужина. Лучше бы разрешил родителям приехать к нему в гости из Сенигаллии. Внезапно наваливается печаль. Шнур телевизора выдернут из розетки, сам телевизор, чтобы не запылится, покрыт белой тканью. Газ перекрыт, мусор собран в мешок. Дом готов к тому, чтобы остаться необитаемым.

Он ложится на диван и уже почти засыпает, когда приходит сообщение от Розанны Витале: “Хочешь скрыться, не попрощавшись? Приезжай, надо поговорить”. Через несколько секунд приходит еще одно сообщение: “Приноси выпить”.